

О «ТРЕТЬЕМ КИТЕ»

М ОЕ ЗНАКОМСТВО с Василием Шукшиным — на первых порах, как говорят, шапочное — началось с того, что перед несколькими последними своими фильмами он систематически появлялся в Большом драматическом театре — подбирать актеров. Естественно, что и на спектаклях бывал. Само собой разумеется, что чем дальше, тем больше мы с ним разговаривали...

Тут открылась одна интересная деталь: учитель его по ВГИКу Михаил Ильич Ромм — кстати, горячо любимый Шукшиным — был убежден в том, что кино — искусство будущего, чего нельзя сказать о театре. Шукшин же, познакомившись ближе с театром, почувствовал, что сцена обладает огромной притягательной силой и особой магией, и ощутил специфические, только ей присущие средства воздействия, которые делают искусство театра неувядаемым и ни на что другое не похожим.

К этой мысли он пришел сам — никто у нас ничего подобного ему не внушал, никто не агитировал за сцену. Повторяю, вначале он так и не думал — просто ходил на наши спектакли, смотрел, разговаривал с актерами, со мной, слушал, размышлял... А потом я стал свидетелем того, как Василий Макарович, что называется, загорелся — захотел писать для театра. И вскоре принес пьесу «Энергичные люди», которая всем нам сразу очень понравилась...

Я попросил Шукшина прочитать «Энергичных людей» труппе. В назначенный день он пришел, пожал всем руки, поднялся на сцену репетиционного зала, сел за столик, попросил кофе и, к слову, в продолжение всей читки пил крепчайший растворимый кофе. В самом начале Василий Макарович сказал:

— Так, маленько я волнуюсь... Театр — это большой и драматический...

Волновался Шукшин ужасно, но прочел удивительно —

со свойственным ему серьезом и юмором, и актеры просто покатывались от хохота. Смех вызывал не только сам текст: не меньшую реакцию вызывали и ремарки, полные авторского ироничного отношения к происходящему. Тут меня осенила идея: оставить голос Шукшина в спектакле, чтобы автор как бы сам комментировал и объяснял происходящее. Тогда я попросил его специально записаться, и он сразу согласился.

Василий Макарович приехал недели за полторы до выпуска спектакля, и мы с ним начали эту работу. Тут я столкнулся с ним уже как с актером.

Надо сказать, что на запись на магнитную ленту, не такую большую по времени, мы потратили много часов, потому что его мера требовательности к своей работе была очень высока. Часто он говорил:

— Нет, то, о чем мы говорили, не получилось, давайте еще раз...

Словом, я получал огромное удовольствие от совместной работы. К тому же было интересно наблюдать, как Шукшин-драматург периодически вмешивался в работу Шукшина-актера и импровизировал на ходу. Например, в конце у автора была длинная реплика; когда дошли до нее, Василий Макарович сказал:

— А здесь попробую-ка я просто присвистнуть, — убрал текст и «просто» присвистнул.

Мы работали тогда часов девять подряд и вышли из студии почти без сил, но задачу выполнили: «Энергичных людей» на сцене БДТ комментирует голос автора. Спектакль жив, и голос Шукшина звучит и сегодня...

Весьма интересными оказались репетиции, на которых присутствовал Василий Макарович: для меня он явился своеобразным радаром — глядя на него, можно было точно сказать, как играет артист. Дело в том, что на репетициях, слыша сочиненный им текст, Шукшин воспринимал его так, как будто слова родились только что и автор их — актер на сцене. Скажем, он хохотал над собственной репризой, которую знал наизусть, когда артист играл с полной мерой органики. Если же исполнение было неживым, не возникало, как свое, Шукшин оставался мрачным. По нему, повторяю, можно было видеть абсолютно точно, что получалось, а что не получалось на сцене...

На обсуждении спектакля, после премьеры, Василий Макарович сказал, что именно БДТ заставил его поверить в возможности театра, что теперь он собирается много писать для сцены и следующую пьесу отдаст, конечно, только Большому драматическому. Театр стал в его жизни «третьим китом» вровень с двумя другими — литературой и кинематографом. Так началась наша дружба. К сожалению, она не имела продолжения — через несколько месяцев Василия Шукшина не стало...

Первая же пьеса Шукшина показала, что он обладал врожденным чувством сцены. Правды ради надо сказать, что «Энергичные люди» — в общем, сценический фельетон, в нем Шукшин не достиг глубины собственной прозы. Мы надеялись, что «Энергичные люди» — только первый камень, заложенный в основание, а само здание театральной драматургии Шукшина будет построено позже...